

Роман Сенчин: поэтика тувинского текста

Элеонора Ф. Шафранская

Московский городской педагогический университет, Российская Федерация,

Гульчир Т. Гарипова

Московский городской педагогический университет;

Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина, Российская Федерация,

Надежда А. Токарева

Российский университет дружбы народов, Российская Федерация

В статье исследуются противоречивые вопросы идентификации локального текста как научной категории. Предпринята попытка описания локального тувинского текста на примере прозы современного автора Романа Сенчина. Особенности тувинского текста соотнесены с современными теориями локальных текстов и категорией «метатекст». Изложены формальные и содержательные аспекты тувинского текста. В ходе анализа авторской модели тувинского текста — как знака метасознания Сенчина — выявлены принципы текстовой репрезентации уровней художественной и экзистенциальной матрицы *genius loci*, соотнесенной с метаобразом потерянного рая. Отмечается, что в матрицу тувинского текста входит образ «героя пути», воспринимающего пространство «чужой Тувы» как обретенный «свой мир».

Аналитика статьи вписана в систему междисциплинарных парадигматических связей эстетики, историософии, этнографии, мифологии. Сделан вывод о том, что понимание иноэтнокультурной составляющей русской литературы о Туве как историко-культурного феномена дает возможность находить проявления тувинского текста в совершенно разнонаправленных авторских художественных системах.

Ключевые слова: локальный текст; тувинский текст; метатекст; образ потерянного рая; место памяти; Роман Сенчин

Для цитирования:

Шафранская Э. Ф., Гарипова Г. Т., Токарева Н. А. Роман Сенчин: поэтика тувинского текста // Новые исследования Тувы. 2023, № 4. С. 6-21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.1>

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, профессор, профессор Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. Адрес: 129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1. Эл. адрес: shafranskayaef@mail.ru

Гарипова Гульчир Талгатовна — доктор филологических наук, доцент, профессор Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета, профессор кафедры филологии и лингвокультурологии Российского государственного университета им. А. Н. Косыгина. Адрес: 129226, Россия, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1. Эл. адрес: ggaripova2017@yandex.ru

Токарева Надежда Андреевна — педагог дополнительного образования кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Института русского языка Российского университета дружбы народов. Адрес: 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. Эл. адрес: tokareva_nadia@mail.ru

SPECIAL THEME

Article

Roman Senchin: The poetics of Tuvan text**Eleonora F. Shafranskaya**

Moscow City University, Russian Federation,

Gulchira T. Garipova

Moscow City University; Kosygin Russian State University, Russian Federation,

Nadezhda A. Tokareva

RUDN University, Russian Federation

The article examines the controversial issues of identifying the local text as a research category. The authors make an attempt to describe the Tuvan local text using the case of prosaic works by the contemporary writer Roman Senchin. The features of the Tuvan text are correlated with modern theories of local texts and the category of metatext. The formal and substantive aspects of the Tuvan text are outlined. In the course of the analysis of the author's model of the Tuvan text — as a sign of Senchin's metaconsciousness — we have determined the principles of textual representation of the levels of the artistic and existential matrix of genius loci compared with the metaimage of the paradise lost. It is noted that the matrix of the Tuvan text includes the image of the "hero of the way" who perceives the space of the "alien Tuva" as a discovered "own world".

The analytics of the article is fit in with the system of interdisciplinary paradigmatic connections of aesthetics, historiosophy, ethnography and mythology. It is concluded that understanding of the foreign ethnic and cultural component of Russian literature about Tuva as a historical and cultural phenomenon makes it possible to find manifestations of the Tuvan text in completely diverse authorial artistic systems.

Keywords: local text; Tuvan text; metatext; image of paradise lost; realm of memory; Roman Senchin

For citation:

Shafranskaya E. F., Garipova G. T. and Tokareva N. A. Roman Senchin: poetika tuvinskogo teksta [Roman Senchin: The poetics of Tuvan text]. *New Research of Tuva*, 2023, no. 4, pp. 6-21. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.4.1>

SHAFRANSKAYA, Eleonora Fedorovna, Doctor of Philology, Professor; Professor, Institute of Humanities, Moscow City University. Postal address: Office 1, 4 2nd Sel'skokhozyaistvennyi proezd, 1129226 Moscow, Russian Federation. E-mail: shafranskayaef@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-4462-5710

GARIPOVA, Gulchira Talgatovna, Doctor of Philology, Associate Professor; Professor, Institute of Humanities, Moscow City University; Professor, Department of Philology and Linguoculturology, Kosygin Russian State University. Postal address: Office 1, 4 2nd Sel'skokhozyaistvennyi proezd, 1129226 Moscow, Russian Federation. E-mail: ggaripova2017@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-7675-2570

TOKAREVA, Nadezhda Andreevna, Additional Education Teacher, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University. Postal address: 6 Miklukho-Maklaya St., 117198 Moscow, Russian Federation. E-mail: tokareva_nadia@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2437-5670

Введение

В российском научном дискурсе последних четырех десятилетий феномен «локальный текст» — одна из проблемных тем в работах культурологов и литературоведов. В научной аналитике сегодня выделяют множество разновидностей локальных текстов: петербургский текст, московский текст... пермский, ташкентский, туркестанский, одесский, сибирский, армянский, кавказский, крымский и т. д. Однако еще в начале XX века (1920-е гг.) ученый Н. П. Анциферов разрабатывает локально-исторический метод (Анциферов, 2009) — в определении Натальи Башмакофф просто «локальный метод» (Башмакофф, 2006), позволяющий по-новому рассматривать текстовые корреляты города или иного пространства жизнебытия человека — не как сюжетный фон или место действия, а как антропологические константы «душа», «дух», «сознание» и историко-культурные концепты «миф», «мир», «текст», «образ». Исследователь И. О. Приходченко отмечает, что «изучая “душу” города, ученый (Н. П. Анциферов. — *Авт.*) предложил вариант рассмотрения пространства города (иначе — его “метафизики”), описывая городской образ понятием “гений места как архетип пространства”, подверг анализу пространственные образы в творчестве репрезентативных “петербургских” авторов, в первую очередь Достоевского и Пушкина» (Приходченко, 2023: 32).

Иными словами, «локальный текст (именной, топонимический) — это совокупность растиражированных в культуре и словесности (устной и письменной) представлений о месте, деталей этого места, прецедентных единиц речи, фольклора, мифологии, образов знаковых личностей — с их нравами, ментальностью, поведением, жестами, этнографическими характеристиками — всего того, что с течением времени становится сводом стереотипов о месте, или локальным текстом» (Шафранская, 2017: 22).

Цель нашего исследования — зафиксировать и описать тувинский текст в русской прозе Романа Сенчина, для ее достижения предполагается решение ряда задач:

- обозначить проблемные точки в осмыслении и изучении локальных текстов;
- раскрыть образ «потерянный рай» как наиболее концептуальный для прозы Р. Сенчина и ассоциативно связанный с авторской рецепцией Тувы;
- выявить мифопоэтические константы тувинского текста в прозе Р. Сенчина (с экзистенциальными, мифологическими, историческими и историософскими акцентами).

Теоретико-методологическая основа статьи — труды, посвященные проблемам локального текста (Топоров, 2009; Башмакофф, 2006; Баянбаева, 2016; Гаврилина, 2018; Приходченко, 2023; Супрун, 2019; Шафранская, 2010, 2016, 2017; и др.), а также вопросам метатекста (Налимов, Дрогалина, 1984; Ильин, 2004).

Объект исследования — модель тувинского текста в прозе Р. Сенчина.

Предмет исследования — поэтика тувинского текста Р. Сенчина.

Источниковая база: прозаические тексты Р. Сенчина: очерк «Моя Тува»¹, роман «Дождь в Париже»², критическая статья «Миражи Хуррамабада»³.

Проблемные точки в изучении локальных текстов

Концептуальная научная практика использования понятия «локальный текст» применительно к литературным произведениям начинается со статьи В. Н. Топорова «Петербург и “Петербургский текст в русской литературе”» (Топоров, 1995). Ученый не только вводит в научную парадигму художественной пространственности категориальное понятие «локальный текст», дефинируя его через бином «город-/=текст», но и дифференцирует подходы идентификации новых локальных текстов и их аналитики в системе фундаментальных текстологических задач. Противоречивость в констатации того или иного локального текста определяется последовательным расширением в культуре его

¹ Сенчин Р. Моя Тува // Сибирь: счастье за горами: сборник / сост. С. Шаргунов, Р. Сенчин. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2022. С. 59–86.

² Сенчин Р. Дождь в Париже : роман. М.: АСТ, 2020.

³ Сенчин Р. Миражи Хуррамабада. «Мешалда. Книга семейных рецептов» Андрея Волоса. Мысли после чтения // Юность. 2022. № 8. С. 70–74.

урбанистических границ до региональных, областных. В связи с чем в последующем даже вводятся расширительные понятия «столичный текст» и «провинциальный текст». На основе фольклорно-мифологических, историко-этнографических, географических и других источников границы локального текста также не могут быть зафиксированы навсегда. Локальный текст аккумулирует в себе комплекс локальных мифов, последовательно развивает определенную систему устойчивых образов, постоянно «самовоспроизводится» и развивается в рамках определенной культурно-исторической системы координат, в первую очередь, в художественной литературе. Появляются подвиды локальных текстов — городской и региональный.

Городские тексты могут входить в состав региональных свертхтекстов. Границы между понятиями «локальный текст» и «свертхтекст» в современной теории не прояснены, но мы придерживаемся условного системного разграничения, связанного с географическими координатами городской, региональной и зональной литератур. Локальный текст может иметь не только городское выражение, но и более расширительное, связанное с краем, даже страной (например, армянский текст). Кроме того, не все города имеют свой локальный текст, позиционируемый в культуре образом или мифом. Важно не путать локальный текст с краеведческим дискурсом. Любое место имеет свою историю, свои легенды и предания, но это не локальный текст (в соответствии с теорией В. Н. Топорова).

По словам исследовательницы Ж. А. Баянбаевой, категория «локальный текст» пересекается с другими — «хронотоп», «топос», «локус», поэтому необходимо сделать такое уточнение: локальный текст — «это всегда парадигма, т. е. целая вертикаль текстов, выстроенная вокруг определенной тематической оси: города, местности, края и пр. <...> Локальный текст — это корпус “текстов о месте”, благодаря которым само “место” наделяется рядом дополнительных характеристик» (Баянбаева, 2016: 77).

Исследовательница Л. М. Гаврилина подчеркивает региональное многообразие российской культуры, в которой локальные свертхтексты могут рассматриваться как своеобразные опоры национально-го семиозиса, акцентирующие его смысловые точки и фиксирующие его внешние границы. При этом важно, что «локальный текст как некий образ места складывается благодаря переживанию / осмыслению его специфики (петербургский, пермский, крымский, московский, кавказский, сибирский, алтайский, северный, поморский, калининградский и другие тексты). Наибольший интерес вызывают локальные свертхтексты, которые порождают региональные культуры с ярко выраженными особенностями, самобытной индивидуальностью, уникальной судьбой, сложившимся культурным ядром» (Гаврилина, 2018: 47; курсив источника. — Авт.).

В научном дискурсе подчас отождествляют понятия *genius loci*¹ и локальный текст. Термин «локальный текст», как и *genius loci*, в какой-то мере противоречив, неоднозначен, не всегда трактуется и наполняется исследователями в согласии с неким выработанным теоретическим каноном. «Гений места» (*genius loci*) и «локальный текст» — разные понятия; первое, связанное с древними анимистическими представлениями, используется, скорее, в метафизическом смысле и никак не связано с личностью, прославившей место; второе — вполне конкретное, вырабатываемое временем, в итоге функционирующее в культуре (а потом и в литературе и искусстве) в виде свода паттернов (а личности, прославившие место, как раз и выступают в виде паттерна).

Например, В. И. Супрун, исследуя казачий локальный текст, уравнивает эти понятия, цитируя другого исследователя и соглашаясь с ним: «...“Гений места — художник или творец, чья жизнь (биография), работа и/или произведения связаны с определенным местом <...> могут служить существенной частью образа места или географического образа” (Замятин, 2013: 154). <...> Следующим закономерным этапом в исследовании проблем взаимоотношений человека с окружающим миром и отражении этих отношений в произведениях искусства и литературы стало введение в научный язык понятия локального текста» (Супрун, 2019: 194–195).

Некоторые топосы могут одновременно иметь свой *genius loci* и формировать локальный текст культуры. Мы уже отмечали в своих исследованиях, что «латинское выражение и понятие *genius loci* довольно часто встречается в современном научном дискурсе — культурологическом и литературоведческом. Обращает внимание, что произносящие *genius loci* или пишущие о нем вкладывают в него разный смысл. Наиболее распространенный переводной эквивалент звучит как

¹ *Genius loci* — устойчивое латинское выражение, ставшее крылатым в книжной словесности, русской в том числе; помимо латиницы воспроизводится и кириллицей в виде словосочетания «гений места».

гений места, хотя более точный перевод — *дух места* (уж если переводить, то оба слова). Именно такой неточный перевод порождает исследовательскую аберрацию: появляются научные работы, где в качестве *гения* выступает некая знаменитая личность, как бы посмертным существованием превращая место своего рождения (или длительного проживания в нем) в музейную достопримечательность, паломническую цель туристов» (Шафранская, Гарипова, 2022: 4). Важно помнить, что изначально фразеологическая единица *genius loci* носит метафизический смысл: место (и его дух) формирует свою эстетику, атмосферу, влияя на проживающих в нем. Место во взаимоотношениях с человеком может быть благотворным или губительным. Следует отметить, что «место диктует определенный кодекс поведения и т. д. В литературе и культуре *место* может быть вымышленным или совпадать с реальным географическим топосом, однако во всех случаях оно провоцирует развитие литературного или устного сюжета: как музыкальный ключ указывает местоположение нот, так и дух места — по авторскому замыслу или вне воли автора — формирует сюжет текста» (там же).

Эстетическим шифром *genius loci* может выступать культурно-языковой код доминирующего этноса города / региона, выраженный не только и не столько через материнский язык, сколько через его присутствие в других лингвосистемах (на которых создано произведение). Но чаще всего идентификатором выступает эстетическая *loci*-модель этнической топики, метафоризованной в образах-кодах (например, сад, пустыня, дом) или образах-мифологемах (потерянный рай, гора Арарат, Шамбалла, Эдем). Для писателя его личное отсутствие в географическом месте может быть замещено присутствием духа этого места, его *genius loci* в сменяющихся пространствах жизнебытия (иных / других / чужих). Так создаются художественные модели текста-локуса, организующие в единство экзистенциальное сознание автора. В этом случае локальный текст становится художественным способом моделирования образа мира, в котором экзистенциальное, биографическое и историческое становятся константами целостного авторского мифа о «локусе-/=тексте».

На основе вышеизложенного можно говорить об актуализации в современной литературе феномена «локальный тувинский текст» как одного из составляющих локального сибирского сверхтекста. Репрезентация Тувы в русской литературе полифонична и организует две линии в своем развитии: Тува как локальный текст иной культуры и / или другой модели мира; Тува как *genius loci*, организующий личный миф (автобиографический, экзистенциальный), соотносимый с «внутренней миграцией». Исследование тувинского текста было начато в статье «Тувинский текст в аспекте транскультурации» (Шафранская, Гарипова, 2023), в которой представлено относительно панорамно явление «тувинский текст»; материал этой статьи сосредоточен на творчестве Р. Сенчина.

Русский писатель Роман Сенчин, родившийся и выросший в Туве, в иноэтнической среде, с иными языком и культурой, часто в своей творческой системе создает особую личную мифологию (термин Стэнли Криппнера), связанную с историей и культурой *другого, чужого*, но ощущаемого родным (хотя бы по принципу природного сознания и самоосознания) этноса и места. Такова Тува Сенчина. Обладая знанием о *неродном* народе, полученным из опыта совместного проживания, писатель способен говорить голосом тувинца — во всяком случае, таково читательское восприятие. Писатель моделирует художественную картину в системе оппозиции «тувинский мир — русский мир». Мифологическое сознание тувинцев содержит целый ряд полиэтнических мифологем, культурологем, историософем, которые феноменологически становятся конгениальными и русской культуре, и иным этническим картинам мира. У. М. Бахтикиреева подчеркивает, что этническая

«культура, воплощенная в народной поэзии, на границе с другим семиотическим миром (русской культурой), стала частью целого и усваивала внешнюю точку зрения на себя как на специфическую культуру. <...> Тексты же русских писателей, в которых описываются образы других культур на русском языке, являются неотъемлемой частью русской культуры, поскольку в них выделяется «специальная сфера иначе организованная», чем в текстах русскоязычных национальных писателей, отображающих свою культуру на русском языке. Они в определенной мере составляют информационный резерв русской культуры, становятся «ядром духовно-культурной экзистенции народа», поскольку закрепляют в ней видение русским человеком чужой» (Бахтикиреева, 2009: 223).

Исследования об отдельных культурообразующих локациях дают возможность представить человеческое сообщество как трансляторов единого метатекста, как носителей единых парадигматических клише культуры. В этом значении метатекст (или метадикурс, метанарратив) описывает любое устоявшееся знание, не только зафиксированное в официальных источниках, но и такое, которое

существует устно, выступая как корпус мифологии повседневности, описывающей материальные объекты, духовные и бытовые практики, что равнозначно теории коллективного бессознательного К. Г. Юнга, основанной на вербальных и невербальных текстах культуры.

Введенный в научный оборот Ж.-Ф. Лиотаром термин постмодернизма *метатекст*, по словам И. П. Ильина, обозначает все те «объяснительные системы», куда входит «религия, история, наука, психология, искусство (иначе говоря, любое “знание”» (Ильин, 2004: 252). Исследователи В. В. Налимов и Ж. А. Дрогалина пишут о некоей семантической вселенной (она же — метатекст культуры), которая «инвариантна к процессам, происходящим в нашем времени, — она остается застывшей в своей неизменности, готовой к многократной повторной реализации в семиотическом мире, и в этом смысле она архетипична» (Налимов, Дрогалина, 1984: 119).

Образ «потерянный рай» в тувинском тексте Р. Сенчина

Константы тувинского текста Р. Сенчина соотносятся с эйдетическим образом «потерянный рай», организующим творчество писателя в единый метасюжет, который репрезентирует мотив бегства в «автобиографическое прошлое». Исследователь А. Ю. Сорочан считает, что «на основе анализа обширного материала следует раскрывать не историю места, а историю образа места» (Сорочан, 2010: 6). Образ тувинского потерянного рая можно маркировать как *genius loci*. Тувинский текст Сенчина может быть охарактеризован как метатекстуальный, поскольку является сквозным концептуальным авторским «образом мира», который центрирует все сюжетные топосы в единый хронотоп памяти, с выходом на целостность автобиографического и исторического.

Критик В. В. Коркунов акцентирует исключительную способность локального текста к фиксации целостной экзистенциально-исторической и культурной памяти. Он пишет, что, объединив реальные исторические события, биографии жителей конкретного места и тексты о месте, как некоем средоточии памяти, мы получаем место памяти. Тем самым В. В. Коркунов обосновывает необходимость знать историю места и включать в него биографический компонент¹.

Именно так складывается литературный дискурс Романа Сенчина: его тувинский текст, став сквозным для целого ряда произведений, помещен, с одной стороны, в биографический контекст, с другой — сопряжен с этнической картиной мира тувинцев, их историей.

Тувиновед Ч. К. Ламажаа пишет об очерке Сенчина «Тува» следующее: «Это произведение — личный дневник о детстве, о родных, о юности, о том, что окружало автора в пору ярких отроческих впечатлений, которые вспышками-картинами остались в памяти на всю жизнь и которые стали все больше звать, манить к себе как сказочный мир, избавляющий от суеты и забот. И грусть по этому сказочному миру, тяга к нему лично мне очень понятна, потому что многие из кызыльских картинок, нарисованных Романом, знакомы мне, как ровеснице автора» (Ламажаа, 2013: 158). По словам исследовательницы, «автобиографичностью произведение восполняет существенный пробел нашей исторической науки, так как оно представляет собой документальный источник по истории повседневности 1990-х годов в Туве. Это история русского населения в Туве, история великого перелома, который случился с нашим обществом. История глазами очевидца. Зафиксированная. Прочувствованная. Детально прописанная» (там же: 158–159).

Принцип осознания себя «русским тувинцем», обретающим экзистенциальную целостность в системе двух этнокультурных миров, позволяет говорить об особом случае не языковой, а мировоззренческой транскulturации, в значении феномена слияния и сближения культур (термин введен Фернандо Ортисом в 1940 г.). Е. Б. Скороспелова пишет: «Мифологический первоисточник может не только иметь локальный характер, но и лечь в основу сквозного сюжета, превращающего поведение, творчество какого-либо автора в некий единый метатекст, выражающий целостное мироощущение писателя» (Скороспелова, 2003: 63–64). Таков сюжет бегства в место памяти, локализованное в образе потерянного рая, который соотносим с тувинским текстом писателя. Он синтезирует в единую целостную миромодель автобиографический и исторический контексты жизни писателя и страны.

¹ См.: Коркунов В. Локальный текст: к вопросу объединения биографического и исторического контекстов // Дети Ра. 2014. № 7 (117). С. 73–76. URL: <https://magazines.gorky.media/ra/2014/7/lokalnyj-tekst-k-voprosu-obedineniya-biograficheskogo-i-istoricheskogo-kontekstov.html> (дата обращения: 16.07.2023).

Сенчину удастся, при сохранении своей этнической идентичности, выразить ментальность иного (ставшего родным) — тувинского народа — средствами русского языка. Особенно ярко это проявляется в ономастике, основу которого составляют этнические топонимы: «в русском селе Верхне-Никольском (ныне — Бай-Хаак)»¹, «поселения в Урянхайском крае»², «на севере Туран и Уюк»³, «роман под названием “Урянхай” — о Туве»⁴, «поселке Шамбалыг»⁵, «Берега Тонмас-Суга»⁶ и др. Писатель использует и прием калькирования, позволяющий донести до русского читателя языковой образ тувинского мира: «Кызыл чоолоктур, — приветствовало радио по-тувински. — Экии, мищтер!»⁷ — А потом повторяло по-русски: — Говорит Кызыл. Доброе утро, товарищи!»⁸

Подобный культурный полилог становится способом сакрализации «внутренней Тувы», метафорически соотносимой с образом потерянного рая. В основе метатекстуальной основы творчества Сенчина лежит парадоксальное противостояние «чужого / родного» — фракталов личной / исторической памяти, наполняющих пространственные координаты мира метафорическими значениями времени. Своеобразная концепция хроноса через топосы создает эффект неразличения чужого и родного. Русские герои произведений Сенчина осознают в качестве родного пространство Тувы («Моя Тува», «Этот уголок — моя родина»⁹, «...он когда-то решил, что его родина — вот здесь, в небольшом городе... что его река — Енисей...»¹⁰), но конкретного времени-памяти (личное время — детство, юность, историческое время — до распада СССР). Эта оппозиция носит скорее метафизический смысл, часто не связанный с собственно противопоставлением тувинского и русского миров. В прозе Сенчина она детерминирует мотив бегства, самоизгнания и «русского» исхода из «родного» тувинского мира в «чужой мир»: в Россию (в условном диапазоне «от Сибири и Урала до Крыма») — практически во всех текстах, Францию и Эстонию (роман «Дождь в Париже»), Америку (повесть «Русская зима») и т. д. Однако бегство в «альтернативную реальность» оборачивается для героев не спасением от личностного кризиса и бесконечной рефлексии по прошлому, а повторяющимся *метафизическим* возвращением в тувинский «потерянный рай»: «Страшно возвращаться туда, где прошла жизнь. Я бываю в Туве хоть почти и каждый год, но коротко»¹¹; «Пора было возвращаться домой»¹².

Вариативность и повторяемость этого сюжетного «бегства» образуют еще один метатекстуальный мотив — «внутренняя миграция». Мотивная структура прозы Сенчина позволяет читать ее как метатекст о метафизическом изгнании и возвращении на его духовную родину — в Туву, в которую приходится прорываться через множество «чужих» пространств, «ведь наложились на нее Питер, армейская служба в Карелии, Минусинск и село Восточное под Минусинском, Абакан, Москва, Берлин, Париж, Франкфурт, десятка два городов в России... Воображение рисует картинки то ли действительно бывшего, то ли придуманного, невольно нафантазированного мной»¹³.

Особенно ярко такая экзистенциализация тувинского мира как художественного способа моделирования личного мифа характерна для очерка «Тува» (в ряде изданий — «Моя Тува») и романа «Дождь в Париже». Тувинской «личный миф», как правило, содержит историософский элемент. Личный миф о потерянном «тувинском рае» становится уже принципом построения художественной историософии искусственного полиэтнического мира, в котором национальное самосознание двух соживущих народов (русских и тувинцев) определяется социокультурным антагонизмом, приводящим к эсхатологии тувинского природного мира и экзистенциальному кризису русского героя. Ему просто необходимо периодически «мигрировать» из реального внешнего «русского мира» во внутренний

¹ Сенчин Р. Моя Тува // Сибирь: счастье за горами : сборник / сост. С. Шаргунов, Р. Сенчин. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2022. С. 64.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 75.

⁵ Сенчин Р. Дождь в Париже : роман. М. : АСТ, 2020. С. 250.

⁶ Там же. С. 252.

⁷ Правильно по-тувински будет: «Кызыл чугаалап тур» и «Экии, эштер». — ред.

⁸ Там же. С. 85.

⁹ Сенчин Р. Моя Тува... С. 62.

¹⁰ Сенчин Р. Дождь в Париже... С. 15.

¹¹ Сенчин Р. Моя Тува... С. 86.

¹² Сенчин Р. Дождь в Париже... С. 411.

¹³ Сенчин Р. Моя Тува... С. 61.

«тувинский рай». Тема памяти разворачивается Сенчиным как спасительное бегство в прошлое, ассоциированное именно с Тувой: «Тянет к себе малая родина. (Многих, знаю, родившихся в Туве или хотя бы раз там побывавших она к себе тянет.) И будто тяжелые, вымывающие силы волны, накатывают воспоминания. Тогда я послушно ложусь на диван и вспоминаю, гуляя в воображении по улицам Кызыла, столицы Тувы, сижу на берегу Енисея, бегаю по степи, гоняясь за сусликами... <...> Много с чем связана для меня Тува, но память удерживает не все...»¹.

В тувинском тексте Сенчина Тува всегда выполняет роль некоего особого иеротопического (сакрального и сокровенного) пространства, куда герой возвращается, «сбегая» из других стран, городов. Тувинская культура становится некой призмой для восприятия иных «чужих» культур (даже если это культура материнская «русская»).

В романе «Дождь в Париже» Сенчин продолжает тему бегства во «внутреннюю миграцию» и выстраивает тувинский текст как медиатор нескольких фрактальных хронотопов-оппозиций: «Париж — Россия», «Россия — Тува», «Тува — Эстония», «Тува — Париж».

И. Б. Ничипоров считает, что в романе «“рубешное” самоощущение центрального персонажа, которому “в прошлом августе... исполнилось сорок лет”, задает тон ретроспективно направленному романному повествованию, его рефлексии о непрочности семейных привязанностей, о “*рассеченности*” собственной истории несхожими и “враждующими” между собой пространствами» (Ничипоров, 2019: 617; курсив источника. — Авт.).

Архитектоника романа разворачивается на основе все того же метаобраза потерянного рая, соотносимого с тувинским текстом. Именно в кодах тувинского мирообраза, истории, мифологии обнаруживаются ответы на экзистенциальные вопросы, которые встали перед человеком XX века, — в мощнейших природных ценностях тувинского народа видит повествователь альтернативу современной русской и европейской эсхатологии, которая и приводит человека к экзистенциальному кризису самоидентичности: «Топкин уговаривал пропустить своих гостей-тувинцев, сделать исключение. “Они русские тувинцы”, — заверял»².

В романе очень важна обращенность автора к культуре европейской, олицетворением которой становится Париж и его достопримечательности. Реальные впечатления все время накладываются на образ тувинского мира, который словно выталкивает из сознания героя великолепный Париж, его старину, но при этом ощущается как уже совсем другой, как «новодел»:

«Дома были красивые, но похожие один на другой сильнее, чем наши хрущевки. И на всех — ажурные, кружевные балкончики, будто лишние детали Эйфелевой башни; под всеми крышами — оконца мансард. Заблудиться немудрено.

Топкин оглянулся, чтоб запомнить отель с этой стороны. Вон синий навес над входом. Ладно, найдет...

В Кызыле в восемьдесят четвертом, перед сорокалетием присоединения Тувы к СССР, балконы на центральных улицах украсили деревянными щитами с национальным орнаментом — перекрещивающиеся прямые, образующие квадратики, а в целом симметричные многоугольники. Прикрыли цветастыми щитами скарб и хлам, громоздившийся на балконах. Довольно долго было симпатично, особенно когда орнамент подкрашивали»³.

Сенчин описывает тувинские обрядовые праздники советского извода, в которых, казалось бы, сохранена память об истоках народа, его душа. Но картина древних метафизических духовных обрядов в музыкально-фестивальном исполнении современных буддистов разрушает их сакральную суть и предстает как энтропия «тувинского мира» в советских и постсоветских реалиях. Изображенные Сенчиным шаманские медитации по советской схеме — это *метафора остановившегося времени* (см.: Шафранская, Гарипова, Смирнова, 2022). Экзистенциальная трагедия героя представлена Сенчиным как метафорический образ распада древнего мира — потерянный «тувинский рай» нельзя возродить, и странным образом пострадавшая идея возвращения героя из Парижа домой, в Туву, мыслится писателем как возможное возрождение «русского тувинца». Это «культурный метис» (Welsch, 1995), сознательно «выбравший» себе в качестве «нетитульной» родины Туву, пронизанную «капиллярами

¹ Там же.

² Сенчин Р. Дождь в Париже : роман. М.: АСТ, 2020. С. 11.

³ Там же. С. 97–98.

русского мира»¹, страну, в которой тувинцы и русские жили «рядом, но не вместе»², но все же Туву, не Россию:

«И ведь Кызыл — даже не родина его, Андрея Топкина. Родился он недалеко от Благовещенска, где служил тогда папа, но с Кызылом связаны первые ощущения себя как части огромного мира, здесь случилась первая любовь, здесь оставались друзья, пусть и немного их, но все-таки. А те, что уезжают, будто исчезают, гибнут где-то в огромной стране. <...> По природе не твердый, не упорный, он когда-то решил, что его родина — вот здесь, в небольшом городе, окруженном горами, что его река — Енисей, его деревья — толстые кривые тополя, его лето — испепеляющее жаром, а зима — выжигающая морозом... Решил тихо, в душе, и не мог представить, что станет иначе...»³.

И даже Нотр-Дам-де-Пари не в силах был избыть эту любовь к Кызылу — альтернативу всему остальному миру. Кызыл, Тува в романе реальны, зрительно и осязаемо ощутимы, хотя так же, как и в очерке «Моя Тува», существуют лишь во внутреннем месте памяти, помещенном во внешний мир Парижа, куда пытается герой сбегать от самого себя в первую очередь. Архитектоника романа напоминает фрактальную структуру очерка «Моя Тува» — герой-путник (турист в этом случае) блуждает по улицам и достопримечательностям Парижа, но при этом все время вспоминает тувинские «места памяти» — город Кызыл и его улицы, реку Енисей, тувинские озера («Это Хадын, а мы едем на другое — на Сватиково. По-тувински — Дус-Холь»⁴). Постепенно для читателя «иллюзорная» Тува, существующая и представленная в романе только в призме восприятия «вспоминающего сознания» героя, оживает и начинает восприниматься как реальный локус. Реальный же, живой Париж превращается в некую иллюзию, блики образа Тувы. Париж представлен как «музей», в котором экспонаты становятся для героя точками возвращения в свой «потерянный рай». И совсем не важно, что парижская реальность и тувинское прошлое никак не коррелируют в плане культуры, традиций, образа жизни, живущих людей. Важно ощущение пространства и времени — они у героя эйдетические, т. е. возникшие когда-то, под влиянием Тувы навсегда зафиксированы в памяти и готовы всплывать в сознании вне зависимости от реального хронотопа. Именно поэтому принципиально, что у героя романа появляется имя — Андрей Топкин, появляется не авто-, а именно биография. Сознание Топкина — это alter-сознание Романа Сенчина, погруженное в реальную советскую историю тувинского мира. В отличие от очерка, в романе разворачивается именно советская история жизни героя в столице Тувы, городе Кызыле. Парадокс в том, что эти воспоминания представлены изнутри культурного пространства Парижа, знаковых, всемирно известных мест, памятников. Для героя они значимы как триггер его воспоминаний о «тувинском рае», личном и уникальном, не всемирно известном, не помпезном — и оттого еще более сакральном и экзистенциально значимом. Он не идеализирует свое прошлое, тувинский мир представлен в романе как время советской / постсоветской исторической травмы, кризисное для русских и тувинцев, как эпоха общих и личных катастроф. Идеологическое насилие над историей народов (в равной степени русского и тувинского), искусственно включенных в «общую семью», привело к потоку не только внешних мигрантов, но и внутренних «чужих среди своих». Не случайно в романе возникает история бегства из Эстонии в Туву и возвращения обратно русской семьи Топкина, запутавшейся в поисках своей истинной родины. Художественное создание подобных историй есть единственный пока способ преодоления исторической травмы, воскрешения героя и мира распавшейся советской империи.

Трагедия подобного типа героя — «культурного метиса» (Welsch, 1995) — ярко представлена и в романе «Мбобо» современного писателя Хамида Исмаилова. Следует отметить, что «метафоризация сакрального андеграундного сознания как феномена иеротопического культурного пространства осуществлена в романе в первую очередь в системе интертекстуальных и метатекстуальных ономастических кодов феномена «культурного героя», каковым и является Мбобо, вбирающий в свой образ-парадигму ключевые концепты имаго-образа «другой» в значениях «инородец», «эмигрант», «странник» и др., фиксирующих не только процесс разрушения национального самосознания, но и общей имперской ментальности» (Гарипова, 2022: 106–107).

¹ Сенчин Р. Миражи Хуррамабада. «Мешалда. Книга семейных рецептов» Андрея Волоса. Мысли после чтения // Юность. 2022. № 8. С. 71.

² Там же.

³ Сенчин Р. Дождь в Париже : роман. М.: АСТ, 2020. С. 13–15.

⁴ Там же. С. 406.

Для Топкина экзистенциальной и культурной инициацией становится эпоха разрушения и построения «нового мира» в 90-е годы, когда вдруг возвращенная литература стала тем глотком свободы, которая изменила его «внутренний мир»: «Эта литература открывала новый мир — мир свободы. Он жесток, конечно, опасен, но лучше быть свободным на воле, чем запертым в безопасной — относительно безопасной — клетке. Тем более что клетка эта шаткая, старая, и сильные руки стихии ломали ржавые прутья, вытаскивали оттуда: иди, живи, действуй»¹.

Мир, наполненный памятью о «потерянной» Туве, подарившей когда-то ощущение и понимание этой внутренней свободы, навсегда сохранился в его сознании. Это именно его пространство, которым он мыслит, в котором возрождается к жизни и обретает себя, потерянного и растрченного в «чужих мирах». Только ближе к концу романа вдруг начинает проявляться образ настоящего природного тувинского мира, разрушающего обыденное социальное сознание героя (подготовленное распадом советского мира), дающего настоящую природную свободу:

«Даль», говорят, исконно русское слово, но к пейзажу открывающейся Тувы оно подходит лучше всего. Это действительно даль... До самого горизонта — почти ровная степь, лишь кое-где поднимаются невысокие, похожие на пирамиды холмы. Это природные курганы. Дальше в степи есть и созданные людьми много тысяч лет назад. Лиственницы исчезают, вместо них — ковыль, перекасти-поле, полынь, караганник. <...> Енисей, вдоль которого и налепились огоньки, видишь не сразу. Крошечная ленточка воды. Но благодаря ей, этой живительной ленточке, и возник здесь город. Вернее, сначала поселок для российских чиновников, а уж затем — город. Пятьсот жителей, две тысячи жителей, десять, семьдесят, сто тысяч.

Один из них он — Андрей Топкин»².

Постепенно тувинский мир превращается для Сенчина в «мир как текст» и организует его творчество в единый метатекст, части которого скреплены тувинским текстом, но в призме взгляда и понимания *русского* писателя, создающего русский «тувинский мир». При это функциональная роль тувинского текста концептуальна для понимания творчества писателя, потому что позволяет обнаружить авторское метасознание, понимаемое как «собранная из локусов его жизнепробы, сращенная временем целостность, или она же, но распавшаяся на мириады осколков, метафорически отмеченных в географии его местопребывания» (Гарипова, 2018: 73).

В отличие от исторических акцентов тувинского текста Сенчина, «тувинский мир» другого автора, Геннадия Снегирева, — это природное пространство и вечное время прекрасного края великого народа, сохранившего свою мифологию, культуру и душу: «В самом центре Азии, за хребтами Саян, лежит Тувинская республика, которая сейчас называется Республика Тыва. <...> Тыва — это страна голубых озер и голубой тайги, потому что летом хвоя на лиственницах голубоватая»³.

В небольшой книжке для детей Снегирев воссоздает образ тувинского природного рая, к возвращению которого стремится повествователь Сенчина, так и не сумевший вернуть свой «потерянный рай», который разрушила история XX века, запорошила призрачными ценностями, исказила истинные смыслы тувинского народа. Вся большая история Тувы, как и история России в целом, мыслится писателем как одна большая «зона затопления», «убегая» из которой, пытается он в своем метатекстуальном творчестве, в его «местах памяти», перевоссоздать настоящий метаобраз тувинского мира. Сенчину удалось смоделировать именно «свою Туву», экзистенциальное «место памяти».

Мифопоэтика тувинского текста: «внутренняя Тува»

В художественно-публицистическом очерке Р. Сенчина «Моя Тува» рассказчик подчеркивает иллюзорность тувинского прошлого и тем самым создает эффект его призрачности, нереальности, выводит в плоскость понимания Тувы как личного мифа. Используемые автором архетипические концепты и историософемы настоящего становятся средством погружения в пространство «внутренней Тувы», репрезентирующей некий личный «биографический» миф писателя о «потерянном рае», который антитетичен эсхатологическому образу русского (московского) мира. Закрытый московский мир с разрушенными семейными традициями, с закованной в камни природой («От того, чтобы не

¹ Сенчин Р. Дождь в Париже : роман. М.: АСТ, 2020. С. 124.

² Там же. С. 375–377.

³ Снегирев Г. Я. Голубая Тува. М.: Малыш, 1968. С. 4.

захлебнуться в городской круговерти, спасает близость Коломенского парка...»¹), противопоставлен миру Тувы как открытому природному лону бытия, способного возродить человека каменных городов-миров, в том числе героя-рассказчика.

Поэтому так важна корреляция через реальный мир настоящего мифоконцептов двух миров — того русского, который через мифосмыслы прошлого маркирует настоящее, и тувинского, который просачивается в реальность настоящего через эти общие корреляты, как, например, камни, обнаруженные героем в овраге Коломенского парка:

«Есть в овраге два камня. По преданию, это голова и внутренности коня Георгия Победоносца. Если верить коломенским старожилам, часто дежурящим в овраге, бой Георгия со змеем произошел именно здесь, и змей, уже пронзенный копьем, сумел хвостом разрезать коня на куски. И вот эти куски окаменели, два из них частично выступают из земли.

На камень, действительно очень похожий на клубок кишок, садятся страдающие бесплодием женщины. Считается, что он помогает зачать ребенка. Деревца и кусты вокруг камня пестры от тряпичных ленточек. Эти красные, голубые, белые кусочки ткани напоминают мне тувинскую чаламу. В Туве тоже есть традиция украшать деревья и кусты вблизи священных мест цветными ленточками»².

Такая легенда о камнях реально существует в русской мифологической системе. Интересно, что Власиев овраг (сегодня он называется Голосов) когда-то разделял подмосковные села Коломенское и Дьяково Городище. Овраг был назван в честь покровителя природного мира Святого Власия — христианского преемника Велеса (Волоса). Считается, что Святой Георгий Победоносец и Святой Власий в начале IV в. пострадали за веру. Так овраг становится символом победы христианской веры.

Большинство легенд о Голосовом овраге связано с особой миссией перехода — из одного пространства в другое, из одного времени в другое. И соответственно камни, лежащие в этом овраге, наделены чудесной силой не только целительства, но и исполнения желаний, связанных с переходами. Девий камень и Гусь-камень не только исцеляют и исполняют желания просящих, но и дают им силу духа и стойкость.

На наш взгляд, Сенчин не случайно делает акцент на этих камнях и овраге, обозначая своего рода портал между мирами (тувинским и русским) и временами (прошлое «потерянного рая» и настоящая «внутренняя миграция»). Для писателя камни становятся волшебными предметами-помощниками, в мифологии указующими дорогу герою-путнику. Точкой пересечения становится ряд совпадений, связанных в том числе и с именем Георгия Победоносца. Когда-то город Кызыл, столица Тувы, был основан как Белоцарск, и считается, что именно Георгий Победоносец стал Небесным покровителем города. Один из первых православных храмов, построенных на средства Священного синода в августе 1915 г. в Белоцарске, был освящен в честь великого святого Георгия Победоносца. В 1920-х гг., во время революционных событий, храм Георгия Победоносца и весь город были сожжены.

Герой очерка приходит в овраг как в место памяти и место силы, соединяющее тувинский и русский миры общей историей. Отсюда начинается погружение в хронотоп «внутренней Тувы», это место дает герою силы помнить и возрождаться вновь и вновь. Упоминание о камнях не случайно и связано не только с русской историей. Автор словно видит в них неких помощников, дарующих способность преодолевать время и мигрировать между хронотопами тувинского и русского миров. Камни как знаки памяти и пограничья — с них начинается череда бегств героя из настоящего (московский мир) в прошлое (тувинский «потерянный рай»). Возвращение через вспоминание в Туву — это духовная трансгрессия «помнящего сознания» к своим истокам, к тому времени, которое хранит живую семейную историю автора (автобиографический сюжет) и историю народа советской Тувы. Семантика потерянного рая совпадает в очерке с мифосемантикой Голосова оврага в значении «сакральное пространство» памяти, экзистенциальной и исторической. Девий камень и Гусь-камень ассоциативно соотносятся с волшебным камнем чат-даш, который в традиционной тувинской культуре является сакральным, чужеродным, принадлежащим иному миру. (Предлагаем читателю сопоставить роль камней в картине мира героя-мальчика из повести Ч. Айтматова «Белый пароход».)

¹ Сенчин Р. Моя Тува // Сибирь: счастье за горами: сборник / сост. С. Шаргунов, Р. Сенчин. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2022. С. 60–61.

² Там же.

В мифопоэтике очерка Сенчина присутствует мотив поиска духовного пространства. Если поиск отца в повести «Белый пароход» Айтматова осуществляется через *коллективное бессознательное*, то для Сенчина важна личная история, которая помогает познать собственное Я и определить свои отношения с миром через постоянное поддержание в памяти личной «моей Тувы». Семантика камней в очерке не является организующей инициативный путь героя и / или личного мифа, она органически включена в историософскую линию произведения, выполняет не «функцию коррелята судьбы главного героя и средства выявления авторской позиции» (Мироненко, 2012: 118), а референциальную роль эмблематики некой общей истории русского и тувинского миров. В этом плане важным представляется упоминание Сенчина о тувинской чаламе. Широко известно (см.: Кенин-Лопсан, 2006; Харитоновна, 2018), что в определенных священных местах-жилищах духов местности на *оваа* (специальные культовые сооружения из деревьев и / или камней) или просто на деревьях люди завязывают разноцветные ленты как знак просьбы, благодарности и почтения к духам. Шаманы в процессе камлания около *оваа* тоже вяжут ленты и шелковые платки (чалама, кадаки). В народе считают, что степень силы места определяется количеством цветных лент, а когда ветер колышет ленту, то молитвы доносятся до духов.

Есть еще одна легенда, согласно которой чаламой называется священный камень-глыба, с давних пор люди поклоняются и молятся ему. Реальный 9-тиметровый красивейший камень сердцевидной формы является природным памятником и расположен на левом берегу реки Баян-Кол, на месте слияния ее больших притоков — Ортаа-Хема и Оораш-Хем. Знатоки пишут, что

«...с юга перед священным камнем стоят три лиственницы (одна справа, а две другие слева), между ними протянуты цветные тряпочки — чалама. В 25 метрах к югу от Чалама есть чаща елей. Весной среди них вырастают пионы, лесные фиалки. На макушке камня растут лиственницы, кустарник, также верх камня зарос травой и лишайниками. Сюда приходят люди, чтобы зарядиться энергией камня»¹.

Легенда о возникновении священного камня связана с историей борца за свободу Тувы и Монголии от ига Китая Амыр-Санаа. Узнав об Амыр-Санаа, китайское правительство послало в посольство Белого царя требование вернуть бунтовщика. Ему отказали, сообщив, что никто не знает об Амыр-Санаа. Стали говорить о том, что Амыр-Санаа утонул в какой-то большой реке на севере. Слухов было много. По одному из них, ради спасения и продолжения освободительной борьбы Амыр-Санаа с помощью молотков пробил себе и своим подданным дорогу, разрушив скалы. Таежное высокогорье получило название Алага Тайгазы (дословно — «Молоток Высокогорье»):

«Большой камень сердцевидной формы, говорят, имеет огромную энергетическую силу. Люди этих мест молятся Чалама с давних пор и получают положительный заряд энергии. Он защищает их от всего негативного, а кто совершает плохие поступки (воровство, кража скота, убийство, срезает деревья, оскверняет место Чалама и т. п.), со временем кончает свою жизнь от своего же плохого поступка. Сегодня Чалама — очень известное место. <...> Сюда приезжают очищаться, зарядиться энергией, получить вдохновение, полюбоваться природной красотой все, кто любит природу и ее памятный божественный дар»².

Р. Сенчин словно связывает два подвига — Георгия Победоносца, спасителя земли русской, и Амыр-Санаа, спасителя тувинского края. В очерке Сенчина герой пути приходит к камням Власиева (Голосова) оврага как к месту памяти и месту силы Чалама. Так в реальном хронотопе российского локуса обретает он свой тувинский «потерянный рай», к которому прорывается сквозь свою личную жизнь и историю целой страны, бывшей когда-то единой (СССР), а теперь распавшейся, как некогда скалы из тувинской легенды: «Это, говорят, языческая традиция, противная христианству, но я, если есть возможность, тоже привязываю на ветку или прут ленточку. И вспоминаю Туву — землю, где родился и жил до двадцати двух лет»³.

Художественная историософия Сенчина коррелирует с публицистической линией, в большей степени связанной с историческими реалиями всех катастрофических событий XX века: колонизация Урянхайского края (начатая в 1856 г. старообрядцами, продолженная в 1885 г. русскими купцами с разрешения иркутского генерал-губернатора), гражданская война, Афганистан, распад СССР и др., — связавших в единой экзистенциальной катастрофе русский и тувинский народы. Энтропия

¹ Владимирова И. Есть такой камень...// Тувинская правда. 2021. 5 марта. URL: <https://tuvappravda.ru/novosti/est-takoi-kamen/> (дата обращения: 16.07.2023).

² Там же.

³ Сенчин Р. Моя Тува // Сибирь: счастье за горами: сборник / сост. С. Шаргунов, Р. Сенчин. М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2022. С. 60–61.

советского периода разворачивается Сенчиным на материале целого народа и отдельных личностей, что усугубляет ощущение трагизма судьбы каждого отдельного тувинца. Писатель вписывает в рамки своего личного «тувинского рая» всю сложнейшую историю Тувы и ее народа и тем самым акцентирует не просто сопричастность судьбы русского человека и тувинцев, а их слиянность. Встраивание в биографическое поле «русской семьи» тувинской картины мира формирует авторскую историософию распада историко-политического мифа о «счастливой советской Туве». Тоска героев по личному потерянному «тувинскому раю» начинает осмысляться как экзистенциальная тоска всего народа по родовым истокам, по природному миру.

Очерк Сенчина не только и не столько о попытке через бегство в память обрести в себе Туву как *genius loci* экзистенциального возрождения, сколько об истории «внутренней Тувы» как метафорической идее разрушенного «личного мира» целого народа, охватывающего историческую реальность периода его экспансии. Стилистика ностальгирующих воспоминаний и стратегия исповедального повествования, наложенные на очерковую форму публицистического описания истории тувинского края, дают возможность рассматривать каждую отдельную судьбу героев очерка как срез понимания исторических вех Тувы в целом. Важнейшую роль играют, например, истории о быте и бытии староверов, об отшельниках Лыковых, которые понимаются не как борьба нового и старого, а как агоническое сопротивление каждого и всех живущих в Туве процессам разрушения исконного природного, синкретического мифологического начала тувинского мира:

«Староверы появились в Урянхэе под конец девятнадцатого века, расселились по берегам Малого Енисея и его притоков в труднодоступных местах. За сто с лишним лет разные власти пытались подчинить их государству, установить свои порядки, но не получилось — выстояли, пугая пришлых начальников групповыми самоубийствами: бросались в полыньи, сгорали в срубках, замерзали — «замирали» — в тайге»¹;

«Позже, пытаясь разобраться в этом противостоянии родных людей, Топкин, кажется, понял: не «русские» было здесь главным, а «советские», что не произносилось»².

Мифологический первоисточник может не только иметь локальный характер, но и лечь в основу сквозного сюжета, превращающего творчество какого-либо автора в некий единый метатекст, выражающий целостное мироощущение писателя. Таков мотив спасения.

Заключение

Наше исследование показало, что в ряде произведений Романа Сенчина представлены мифологические, социокультурные, исторические, экзистенциальные составляющие «тувинского мира». Его герой — путник, воспринимающий пространство «чужой Тувы» как обретенный «свой мир». Тува остается для писателя природным миром, манящим возможностью вырваться из каменной урбанистической эсхатологии. Так, русский писатель создает тувинский текст в соотношении с экзистенциальными задачами, в которых подвергаются синтезу «чужие» для чужого языка и иной ментальности культурные коды, способы мышления, психологические особенности, личностная идентификация. Этот процесс выражается не в простой механике соединения разных культурных голосов, но в сложном формировании нового видения поликультурного мира, художественным продуктом которого становится феномен метатекстуальности.

Выявленный и описанный тувинский текст писателя Р. Сенчина соотносим в его творчестве с принципами метатекста. Его ключевым концептом становится образ тувинского «потерянного рая», в большей степени коррелирующего с историческими координатами тувинского «русского мира». Сенчин создает художественную модель мира, которая обладает условными пространственно-временными параметрами (соотнесение настоящего хронотопа с Тувой как биографическим «местом памяти»), постоянным и характерным кругом героев, коллизиями исторической и культурной противоположности тувинского и русского миров. Тува становится для писателя местом силы, его *genius loci* и носит метафизический смысл, формируя поэтику, героя, образы и мотивы. Все константы тувинского метатекста центрируются в контексте целостного «тувинского сверттекста», определяющего авторскую историософскую концепцию. Метатекст создается благодаря варьирова-

¹ Сенчин Р. Дождь в Париже : роман. М.: АСТ, 2020. С. 94.

² Там же. С. 113–114.

нию устойчивого круга художественных образов и автобиографических мотивов, выводящих событийный план на уровень художественных обобщений — это образы «потерянный рай» и «герой пути» (с ярко выраженным рефлексивным сознанием), мотивы бегства и спасения, исхода и возвращения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анциферов, Н. П. (2009) Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций / сост., подгот. текста, посл. Д. С. Московской. М. : ИМЛИ РАН. 584 с.

Бахтикиреева, У. М. (2009) Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). Астана : Изд-во «ЦБОиМИ». 259 с.

Башмакофф, Н. (2006) Локальный текст, голос памяти и поэтика пространства // История и повествование : сб. статей / под ред. Г. В. Обатнина, П. Песонена. М. : Новое литературное обозрение. 596 с. С. 576–591.

Баянбаева, Ж. А. (2016) Локальный текст и его функции (на примере Алма-Атинского локального текста) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. № 2. С. 77–84.

Гаврилина, Л. М. (2018) Локальные сверткесты как форма осмысления регионального многообразия российской культуры // Вестник Московского государственного института культуры. № 2 (82). С. 43–50.

Гарипова, Г. Т. (2018) Календарь Москвы: «Собрание утонченных» и пространство Лондона в метасознании Хаида Исмаилова // Genius loci в литературе, искусстве, культуре : сб. науч. статей / сост. и ред. Э. Ф. Шафранская. СПб. : Свое издательство. 240 с. С. 71–85.

Гарипова, Г. Т. (2022) Ономастическая транскультуральность в романе Хаида Исмаилова «Мбобо» // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № S6. С. 100–108. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6s-22.100>

Замятин, Д. И. (2013) Гений и место: ускользящая со-в-местность // Общественные науки и современность. № 5. С. 154–165.

Ильин, И. П. (2004) Метарассказ // Западное литературоведение XX века : энциклопедия / гл. ред. Е. А. Цурганова. М. : Intrada. 560 с. С. 251–253.

Кенин-Лопсан, М. Б. (2006) Традиционная культура тувинцев : учеб. пособие / пер. с тув. Кызыл : Тувинское кн. изд-во. 230 с.

Ламажаа, Ч. К. (2013) Тува 1990-х глазами пореформенного поколения // Новые исследования Тувы. № 2. С. 157–160.

Мироненко, Е. А. (2012) Фольклорно-мифологический контекст повести Чингиза Айтматова «Белый пароход» // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. № 3–2. С. 115–118.

Налимов, В. В., Дрогалина, Ж. А. (1984) Вероятностная модель бессознательного. Бессознательное как проявление семантической вселенной // Психологический журнал. Т. 5. № 6. С. 111–122.

Ничипоров, И. Б. (2019) Из Кызыла в Париж: геопэтика современного психологического романа («Дождь в Париже» Р. Сенчина) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. Т. 24. № 4. С. 616–624. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-616-624>

Приходченко, И. О. (2023) Локальный текст провинциальной литературы: к вопросу об определении понятия и истории изучения // Наука о человеке: гуманитарные исследования. Т. 17. № 1. С. 30–42. DOI: <https://doi.org/10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.3>

Скороспелова, Е. Б. (2003) Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М. : ТЕИС. 420 с.

Сорочан, А. Ю. (2010) Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы. Тверь : Изд-во М. Батасовой. 172 с.

Супрун, В. И. (2019) Локальный казачий текст в языке и литературе: от Ф. Д. Крюкова до Б. П. Екимова // Восток — Запад: пространство локального текста в литературе и фольклоре : сб. науч. ст. к 70-летию проф. А. Х. Гольденберга / отв. ред. Н. Е. Тропкина. Волгоград : Перемена. 471 с. С. 193–204.

Топоров, В. Н. (1995) Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ : Исследования в области мифопоэтического : Избранное. М. : Прогресс ; Культура. 624 с. С. 259–367.

Топоров, В. Н. (2009) Петербургский текст. М. : Наука. 820 с.

Харитоновна, В. И. (2018) Тувинский (нео)шаманизм как культовая и целительская практика в современном мире // Новые исследования Тувы. № 4. С. 47–76. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.3>

Шафранская, Э. Ф. (2010) Ташкентский текст в русской культуре. М. : Арт Хаус медиа. 301, [1] с.

Шафранская, Э. Ф. (2016) Туркестанский текст в русской культуре: Колониальная проза Николая Каразина (историко-литературный и культурно-этнографический комментарий). СПб. : Свое издательство. 370 с.

Шафранская, Э. Ф. (2017) Вруны и фантазеры как паттерн локальных текстов XX в. // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. № 1 (25). С. 22–29.

Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т. (2022) Локальные тексты в русской литературе : учеб. пособие. М. : Юрайт. 109 с.

Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т. (2023) Тувинский текст в аспекте транскulturации // Полилингвильность и транскulturные практики. Т. 20, № 3. С. 497–514. DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-3-497-514>

Шафранская, Э. Ф., Гарипова, Г. Т., Смирнова, А. И. (2022) Метафоры остановившегося времени в современной литературе // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. № 4. С. 132–142. DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.4-22.132>

Welsch, W. (1995) Transkulturalitat // Migration und kultureller Wandel. Stuttgart : Institut für Auslandsbeziehungen. 152 S. S. 1015–1020. (Zeitschrift für Kultur-Austausch, Jg. 45, Vj. 1).

Дата поступления: 17.07.2023 г.

Дата принятия: 02.09.2023 г.

REFERENCES

Antsiferov, N. P. (2009) *Problemy urbanizma v russkoi khudozhestvennoi literature. Opyt postroeniia obraza goroda — Peterburga Dostoevskogo — na osnove analiza literaturnykh traditsii [Issues of urbanism in Russian fiction. An experience of building the image of the city — Dostoevsky's St. Petersburg — based on the analysis of literary traditions]* / comp., prep. and afterword by D. S. Moskovskaia. Moscow, IMLI RAS. 584 p. (In Russ.).

Bakhtikireeva, U. M. (2009) *Tvorcheskaia bilingval'naia lichnost' (osobnosti russkogo teksta avtora tiurkskogo proiskhozhdeniia) [Creative bilingual personality (authors of Turkic origin and their texts in Russian)]*. Astana, TsBOiMI Publ. 259 p. (In Russ.).

Bashmakoff, N. (2006) Lokal'nyi tekst, golos pamiaty i poetika prostranstva [Local text, the voice of memory and the poetics of space]. In: *Istoriia i povestvovanie [History and narration]* : A collection of articles / ed. by G. V. Obatnin and P. Pesonen. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie. 596 p. Pp. 576–591. (In Russ.).

Bayanbayeva, Zh. A. (2016) Lokal'nyi tekst i ego funktsii (na primere Alma-Atinskogo lokal'nogo teksta) [To the question of the local text and its functions (on the example of the Almaty local text)]. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, no. 2, pp. 77–84. (In Russ.).

Gavrilina, L. M. (2016) Lokal'nye sverkhsteksty kak forma osmysleniia regional'nogo mnogoobrazii rossiskoi kul'tury [Local supertexts as a form of reflection of regional diversity of Russian culture]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*, no. 2 (82), pp. 43–50. (In Russ.).

Garipova, G. T. (2018) Kalendar' Moskvy: «Sobranie utonchennykh» i prostranstvo Londona v metasoznanii Khamida Ismailova [Moscow calendar: “Assembly of the Refined” and the space of London in Khamid Ismailov's metaconsciousness]. In: *Genius loci v literature, iskusstve, kul'ture [Genius loci in literature, art, culture]* : A collection of research articles / comp. and ed. by E. F. Shafranskaya. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo. 240 p. Pp. 71–85. (In Russ.).

Garipova, G. T. (2022) Onomasticheskaia transkul'tural'nost' v romane Khamida Ismailova «Mbobo» [Onomastic transculturality in Khamid Ismailov's novel “Mbobo”]. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, no. S6, pp. 100–108. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.6s-22.100>

Zamiatin, D. I. (2013) Genii i mesto: uskol'zaiushchaia so-v-mestnost' [Genius and place: The elusive co-locality]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 154–165. (In Russ.).

Ilyin, I. P. (2004) Metarasskaz [Metastory]. In: *Zapadnoe literaturovedenie XX veka [Western literary studies of the 20th century]* : Encyclopedia / editor-in-chief: E. A. Tsurganova. Moscow, Intrada. 560 p. Pp. 251–253. (In Russ.).

Kenin-Lopsan, M. B. (2006) *Traditsionnaia kul'tura tuvintsev [Traditional culture of the Tuvans]* : A study guide / transl. from Tuvan. Kyzyl : Tuvan Book Publishing House. 230 p. (In Russ.).

Lamazhaa, Ch. K. (2013) Tuva 1990-kh glazami poreformennogo pokoleniia [Tuva of 1990s through the eyes of new generation]. *The New Research of Tuva*, no. 2, pp. 157–160. (In Russ.).

Mironenko, E. A. (2012) Fol'klorno-mifologicheskii kontekst povesti Chingiza Aitmatova «Belyi parokhod» [Folklore and mythological context of the story by Chingiz Aitmatov "White Ship"]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no. 3–2, pp. 115–118. (In Russ.).

Nalimov, V. V. and Drogalina, Zh. A. (1984) Veroiatnostnaia model' bessoznatel'nogo. Bessoznatel'noe kak proiavlenie semanticheskoi vselennoi [Probabilistic model of the unconscious. The unconscious as a manifestation of the semantic universe]. *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 5, no. 6, pp. 111–122. (In Russ.).

Nichiporov, I. B. (2019) Iz Kyzyla v Parizh: geopoetika sovremennogo psikhologicheskogo romana («Dozhd' v Parizhe» R. Senchina) [From Kyzyl to Paris: The geopoetics of the modern psychological novel ("Rain in Paris" by R. Senchin)]. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, vol. 24, no. 4, pp. 616–624. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2019-24-4-616-624>

Prihodchenko, I. O. (2023) Lokal'nyi tekst provintsial'noi literatury: k voprosu ob opredelenii poniatii i istorii izuchenii [Local text of provincial literature: The question of the concept definition and the history of study]. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, vol. 17, no. 1, pp. 30–42. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.57015/issn1998-5320.2023.17.1.3>

Skorospelova, E. B. (2003) *Russkaia proza XX veka: ot A. Belogo («Peterburg») do B. Pasternaka («Doktor Zhivago»)* [Russian prose of the 20th century: From A. Bely ("Petersburg") to B. Pasternak ("Doctor Zhivago")]. Moscow, TEIS. 420 p. (In Russ.).

Sorochan, A. Yu. (2010) *Tverskoi krai v literature: obraz regiona i regional'nye obrazy* [Tver region in literature: The image of the region and regional images]. Tver, M. Batasova's Publ. 172 p. (In Russ.).

Suprun, V. I. (2019) Lokal'nyi kazachii tekst v iazyke i literature: ot F. D. Kriukova do B. P. Ekimova [Local Cossack text in language and literature: From F. D. Kryukov to B. P. Ekimov]. In: *Vostok — Zapad: prostranstvo lokal'nogo teksta v literature i fol'klore* [East — West: The space of local text in literature and folklore] : Festschrift dedicated to the 70th anniversary of A. Kh. Goldenberg / ed. by N. E. Tropkin. Volgograd, Peremena. 471 p. Pp. 193–204. (In Russ.).

Toporov, V. N. (1995) Peterburg i «Peterburgskii tekst russkoi literatury» (Vvedenie v temu) [Petersburg and the "Petersburg text of Russian literature" (Introduction to the topic)]. In: Toporov, V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz : Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo : Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image : Research in the field of mythopoetic : Selected works]. Moscow, Progress ; Kul'tura. 624 p. Pp. 259–367. (In Russ.).

Toporov, V. N. (2009) *Peterburgskii tekst* [St. Petersburg text]. Moscow, Nauka. 820 p. (In Russ.).

Kharitonova, V. I. (2018) Tuvinskii (neo)shamanizm kak kul'tovaia i tselitel'skaia praktika v sovremennom mire [Tuvan (neo)shamanism as a religious and healing practice in contemporary world]. *New Research of Tuva*, no. 4, pp. 47–76. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2018.4.3>

Shafranskaya, E. F. (2010) *Tashkentskii tekst v russkoi kul'ture* [Tashkent text in Russian culture]. Moscow, Art Khausa media. 301, [1] p. (In Russ.).

Shafranskaya, E. F. (2016) *Turkestanskii tekst v russkoi kul'ture: Kolonial'naia proza Nikolaia Karazina (istoriko-literaturnyi i kul'turno-etnograficheskii kommentarii)* [Turkestan text in Russian culture: The colonial prose of Nikolay Karamzin (historical, literary, cultural and ethnographic commentary)]. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo. 370 p. (In Russ.).

Shafranskaya, E. F. (2017) Vruny i fantazery kak pattern lokal'nykh tekstov XX v. [Liars and fantasizers as a pattern of the XX century local texts]. *MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education*, no. 1 (25), pp. 22–29. (In Russ.).

Shafranskaya, E. F. and Garipova, G. T. (2022) *Lokal'nye teksty v russkoi literatury* [Local texts in Russian literature] : A study guide. Moscow, Urait. 109 p. (In Russ.).

Shafranskaya, E. F. and Garipova, G. T. (2023) Tuvinskii tekst v aspekte transkul'turatsii [The Tuvan text in the aspect of transculturation]. *Polylinguality & Transcultural Practices*, vol. 20, no. 3, pp. 497–514. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2023-20-3-497-514>

Shafranskaya, E. F. and Garipova, G. T. and Smirnova, A. I. (2022) Metafori ostanovivshegosia vremeni v sovremennoi literatury [Metaphors of stopping time in modern literature]. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, no. 4, pp. 132–142. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20339/PhS.4-22.132>

Welsch, W. (1995) Transkulturalitat. In: *Migration und kultureller Wandel*. Stuttgart, Institut für Auslandsbeziehungen. 152 S. S. 1015–1020. (Zeitschrift für Kultur-Austausch, Jg. 45, Vj. 1).

Submission date: 17.07.2023.

Acceptance date: 02.09.2023.